
И. А. АВДЕЕВА

**ТРАНСФОРМАЦИИ ГУМАНИЗМА:
ОТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА
К БИОЦЕНТРИЗМУ В КОНТЕКСТЕ
ПОСТРОЕНИЯ НОВЫХ ПРИНЦИПОВ
ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЖИВОТНЫМ**

Признание человеческих слабостей и провал миссии сверхчеловека делает в XX в. сочувствие к человеческим слабостям и толерантность ведущим ориентиром современного гуманизма (постгуманизма, который пришел на смену классическому ренессансному гуманизму), меняет место самого человека и его отношения с миром, с одной стороны, ставя человека в ряд других живых существ, с другой – изменяя статус всего живого. Это отражается в трансформациях как этического плана, так и правового характера. Все вместе они дают новые горизонты социокультурного опыта. Гуманистический дискурс сегодня реализуется в разных аспектах этого опыта: технологии на службе улучшения человека и prolongation качества и количества его жизни, трансгуманистические идеалы и генная инженерия, биоцентристская парадигма и идея космической ответственности, преодоление глобальных проблем и расширение парадигмы прав человека вглубь и вширь, включение в правовое поле новых субъектов и расширение локальных правовых полей и т. д. Однако в ходе осмысления этого опыта, в результате сделанных выводов и констатации новых этических принципов отношения человека с миром мы чаще имеем дело с идеально конструируемой реальностью, нежели с реальной и сложной практикой. Противоречивые тенденции зачастую игнорируются в доказательство идеалам, которые кажутся нам правильными в рамках заранее заданной парадигмы. Подобные тенденции можно наблюдать и на примере попыток изменения отношений человека к животным в разных областях человеческой деятельности и практики. Сколь бы ни декларировалась сегодня биоцентристская парадигма, тем не менее человек продолжает действовать и жить в рамках антропоцентричного мировоззрения, основанного в том числе и на характерной мировоззренческой оппозиции «свой – чужой», что более свойственно для мифологии-

ческого мировоззрения, нежели для заявляемой сегодня в качестве ведущей биоцентристской парадигмы, делая ее абстрактной декларацией, а не действенным механизмом гуманизации определенной области отношений человека и мира.

Ключевые слова: гуманизм, биоцентризм, антропоцентризм, этика прав животных, права животных, биоэтика, гуманистическая мораль, этика гуманизма.

In the twentieth century the recognition of human weaknesses and the failure of the superhuman mission made sympathy for human weaknesses and tolerance the leading guide of modern humanism (post-humanism, which replaced the Renaissance classical humanism. On the one hand, this has changed the place of the human and his relationship with the world bringing him into line with other living beings; and on the other hand, the status of all living things has also changed. This is reflected both in the transformations of the ethical and of the legal aspects. Together they open new horizons for sociocultural experience. Today the humanistic discourse is realized in various aspects of this experience: technologies for the improvement of human life standards and life expectancy, transhumanistic ideals and genetic engineering, biocentric paradigm and the idea of cosmic responsibility, overcoming of global problems and expanding the paradigm of human rights, the legal field of new subjects and the expansion of local legal fields, etc. However, in the course of apprehension of this experience, with the conclusions made and the new ethical principles of the relationship between human beings, we often deal with an ideally constructed reality rather than with real and complex practice. The contradictory trends are often ignored when proving ideals that seem correct to us within the framework of a pre-determined paradigm. Similar trends can be observed in the attempts to change the relationship between human and animals in different areas of human activity and practice. No matter what biocentric paradigm is declared today, people continue to act and live following the anthropocentric worldview based on, among other things, the characteristic ideological friend-foe opposition which is more characteristic of the mythological worldview than of the biocentric paradigm claimed today as leading, making it an abstract declaration rather than an effective mechanism for the humanization of a certain area of human relations.

Keywords: humanism, biocentrism, anthropocentrism, ethics of animal rights, bioethics, humanistic morals, ethics of humanism.

Современный европейский гуманизм и соответствующая ему в практике современная этико-правовая парадигма, базирующаяся на неолиберальных ценностях, – это тот идеал, на основе которого вот

уже несколько столетий существуют европейская культура и цивилизация. Однако же при попытке рационализировать его и углубиться в его содержание с опорой на генезис и современное смысловое наполнение мы приходим к неоднозначным результатам.

Миф о гуманизме создает смысловое поле европейской культуры, языковую систему, ценностные основания различных сфер действительности и деятельности. С другой стороны, он ушел от конкретики и потерял реальное содержание, видоизменился содержательно, но формально существует в прежней функции – стержневой опоры европейского мировоззрения.

Попытки разобраться в этих установках приводят к выделению в исторической ретроспективе двух как взаимоисключающих, так и взаимодополняющих тенденций, формирующих общий характер развития многих социокультурных трансформаций. *С одной стороны*, это динамика процессов гуманизации, составляющих суть данных трансформаций начиная с эпохи Возрождения и заставивших изменить взгляд в первую очередь на человека, затем на все человечество, а после и на весь мир. Этот гуманизм сначала позволил человеку уподобить себя титанам, объявить себя практически Богом и правителем земного мира. Просветительские идеи развивали подобную установку, наполняя ее практическим воплощением в праве. Даже Реформация с идеей кальвиновского детерминизма и предопределенности не смогла ее поколебать. Однако, *с другой стороны*, чрезмерная самоуверенность привела в результате к тотальному разочарованию и стыду за человека и его деяния в XX в. В итоге гуманизм XX в. – это уже отнюдь не оптимистическое человеколюбие, основанное на вере в его великие возможности, а человеколюбие из сочувствия и признания неустойчивости человека в мире, его слабости, а также своего рода универсализация гуманного отношения ко всему живому, что относится к сфере human (human beings), вследствие признания наличия этого статуса не только у человека.

Трудно не признать тот факт, что термин «гуманизм» имеет вполне конкретное значение отношения к человеку как к высшей ценности, тем не менее он не просто содержательно видоизменяется, но и весьма расширяет контекст своего употребления. Идея самосовершенствования за счет собственных усилий также редуци-

руется в концепциях трансгуманизма в идею совершенствования за счет тех результатов научно-технического развития, которые создаются другими людьми на благо всего человечества и на благо всего мира, объединяющего все живое на Земле. Однако подобная универсализация создает новые идеальные горизонты смыслов, за которыми подчас теряется конкретика реального, приводящая к созданию новых мифов. Нынешние гуманистические установки в противоречивости и разнообразии их культурного содержания в этическом правовом поле представляют собой скорее как раз совокупность неких «сакральных» и почти абсолютных ценностно-мировоззренческих установок, которые зачастую противоречат их социально-политическому и культурному наполнению под эгидой некой идеальной и единой концепции гуманизма. При этом само существование гуманистического метанарратива сопровождается дальнейшим мифотворчеством: демократические идеалы, мультикультурализм, права человека и прочие ценностные установки и ориентиры, которые в практике имеют совсем иное наполнение, нежели в представлениях о них, – все это стало тем, что поддерживает традицию в развитии европейской цивилизации последних столетий, обеспечивая ее непрерывность. Это и есть, по мнению Б. Малиновского, главная практическая функция мифа. Речь идет именно о такого рода представлениях, которые не рационализируются в обыденном сознании, связаны именно с мироощущением, а не с миропониманием (Ф. Х. Кессиди), существуют в определенной степени как сакральные истины, критика которых неуместна, осуждаема, а попытки конкретизации выстраиваются лишь в ключе позитивной доказательной аргументации. В связи с этим не только не теряет свою актуальность задача рационализации современных гуманистических установок, а даже возрастает ее значимость.

В качестве анализа одного из аспектов заявленного тезиса обратимся к весьма актуальной сегодня теме изменения этических принципов отношения к животным и изменения их правового статуса, наглядно демонстрирующего обозначенные тенденции.

Сегодня проблема прав животных и принципы отношения человека к животным, связанные с идеей их благополучия, а также защиты их прав, стали одной из основных проблем не только современного биоэтического дискурса, но и культуры в целом, вклю-

чая различные аспекты, начиная с охраны животных от вымирания, защиты от человеческой экспансии, обеспечения их прав и заканчивая движением объединившихся различных социальных групп в борьбе за полное освобождение животных от человеческого рабства. Практически это манифестируется как продолжение гуманизации общественных отношений и человеческой деятельности. Однако весьма интересен анализ базовых этических тенденций, стоящих за этим процессом. При более детальном рассмотрении мы сталкиваемся с действием отнюдь не однозначных комбинаций идеального и реального содержания новых этических парадигм.

В своих отношениях с животными, как и с живой природой вообще, человек прошел сложный путь – от поклонения и обожествления до покорения и потребительского отношения, от страха и восторга, неоправданной агрессии и насилия к идее заботы о братьях наших меньших. Однако же как ни явна динамика подобных взаимоотношений в сторону утверждения принципов биоцентризма, все же до понимания и утверждения идеи равноправия всего живого, идеи подлинной ответственности за все живое и идеи космического родства и благоговения перед Жизнью во всех ее формах еще очень далеко. Мы чаще имеем дело именно с мифом, нежели с реально действующей этической парадигмой.

История этических принципов взаимоотношений человека и животного начинается в глубокой древности и всегда была неразрывно связана с культурой, зависела от смены основных мировоззренческих ориентаций в истории этой культуры. Человек древности, осознавая свое кровное родство со всем созданным миром, находясь с животными в одном космическом пространстве, еще не ощущавший своей власти над этим миром, видел в животных особую ценность, и зачастую сами их образы приобретали сакральный характер. Однако постепенно архаический тотемизм ушел в прошлое, а космоцентризм Античности сменился христианским мировоззрением. Тем не менее уже в иудейской этике можно найти особые предписания, касающиеся должного отношения человека к животным, в частности к домашнему скоту. По мере своего «взрождения» и укрепления веры в собственные познавательные способности и силы человек начинает претендовать на роль «хозяина»

мира. Наукоцентризм XVII в. и механистическая картина мира практически лишили животных бывшего сакрального статуса, превратив их в «бесчувственные» механизмы для получения нового опыта о мире, в котором вивисекция становится нормой. Таким образом, апофеозом классического гуманизма стало отнюдь не гуманное отношение к животным. Современный биоцентризм и борьба за права животных явились результатом трансформаций классического гуманизма и гуманизма нового типа.

Тем не менее нельзя сказать, что одна тенденция сменяла другую в историко-культурном плане. Речь идет как раз о сосуществовании различных парадигм, имеющих общие корни, но обладающих разными характеристиками, – антропоцентричной и биоцентричной.

Более того, в правовом плане мы также имеем дело с некими общими процессами. Борьба за гуманное отношение к животным, разговоры об их правовом и нравственном статусе велись практически одновременно, как бы странно ни выглядели подобный контекст и соотнесение, с борьбой за права женщин, против рабства и апартеида, за права национальных, а затем и сексуальных меньшинств. Однако в этой бесконечной битве за чьи-то права, а точнее, за восстановление этих прав (в аргументации «за» сторонники и инициаторы этой борьбы всегда обращались к определенным историко-культурным эпохам, в которых находили достаточно убедительные аргументы), борьба за благополучие и права животных имеет особый статус: она происходила и происходит без участия и инициативы стороны, чьи права были нарушены. Не стоит забывать, что все подобные дискуссии ведутся без участия животных, а человек в подобной ситуации таким образом сам себе присваивает право, а иногда и миссию, быть выразителем их интересов.

Несмотря на то, что борьба за чьи-то права ведется, практически не прекращаясь, начиная с древнейших времен существования человеческого общества, все же представляется возможным говорить именно об общей тенденции социально-правовых трансформаций в отношении к животным вследствие изменения общих мировоззренческих установок Нового времени. Со временем это обернулось для европейской культуры осознанием человеческих слабостей и снижением когда-то высоких требований к человеку,

признанному в XX в. существом слабым и нуждающимся в сочувствии и жалости, что и составляет суть современного гуманизма. Трудно не признать тот факт, что термин «гуманизм» имеет вполне конкретное значение отношения к человеку как к высшей ценности, тем не менее он не просто содержательно видоизменяется, но и весьма расширяет контекст своего употребления, давно распространив его и на всех чувствующих живых существ. Мы все чаще слышим разговоры о гуманном отношении к животным и гуманном отношении к природе, и зачастую в качестве ключевого слова имеется в виду не столько «гуманное», сколько слово «отношение», которое в контексте ряда современных философских дискуссий может трактоваться как отношение заботы. Это тот самый новый этический контекст, который в отличие от гуманистического контекста выстраивает иную трактовку образа животного как некоего субъекта. Ценности задаются не им самим, а именно отношением, не имеющим строгой субъект-объектной оппозиции. Это не просто антропоморфизация *иного* чувствующего существа, а признание за ним его инаковости и построение отношений с учетом этой специфики. Подобная логика, тем не менее не подвергнутая критическому осмыслению, как раз и способна породить новые мифы, а не дать действенный практический этико-правовой реализуемый эффект. Соединяясь с новыми тенденциями виртуализации как культурного пространства, так и его принципов, подобная «гуманизация» скорее представляет собой новый смысловой или идеологический конструкт, нежели реальность современной практики.

С другой стороны, на современном этапе историко-культурного развития выдвижение экспериментальной науки в качестве ведущей производительной силы и ускорение темпов промышленного развития и производства привели к тому, что ориентированная на получение практического результата и прибыли наука сделала их первостепенной ценностью, когда ради этих высоких целей-результатов под эгидой того же гуманизма (под лозунгом «Наука на службе человеку») усиливается эксплуатация живых существ, главным образом животных, задействованных, а точнее, используемых в промышленных, медицинских, научных и прочих экспериментах.

Первая тенденция отчетливо демонстрирует отход от антропоцентризма к биоцентризму, составляющему основу современной биоэтики, а вторая тенденция заставляет задуматься о том, что современный антропоцентризм модифицирует и, приспосабливаясь к новым социальным реалиям и вызовам, наполняет человеческую деятельность определенным идейным содержанием. Это насилие в новых масштабах и формах, когда благо человека (материальное и нематериальное) по-прежнему является аргументом, оправдывающим насилие и эксплуатацию. Животных стали выращивать на убой, уничтожать просто в космических промышленных масштабах, причем условия содержания животных и их жизнь вообще не являются предметом серьезных разговоров, как только эти разговоры касаются необходимости удовлетворения базовых витальных потребностей человека в еде и одежде. Речь идет, в частности, и о том факте, что число животных, задействованных сегодня в научных экспериментах, выросло до гигантских масштабов: с 300 в 1875 г. до 100 млн (а возможно, и более) в первое десятилетие XXI в. Причем справедливости ради следует заметить, что достаточно большая часть из того, что производится, так и не достигает своей цели, не доходя до потребителя. Сейчас именно Потребитель является тем, кто диктует и обществу, и культуре правила сегодняшнего дня. Однажды на одном из занятий с аспирантами естественно-научного факультета мне пришлось услышать, что в лаборатории, где работал аспирант, коллектив, занимаясь исследованиями в области создания генно-модифицированных и прочих продуктов питания, выполнял, по сути, благородную и гуманную задачу – создать дешевые по себестоимости продукты для того, чтобы всех накормить, чтобы решить проблему возможной нехватки продуктов и голода. Для выполнения этой высокой миссии можно пойти на многое. Подобный телеологизм, учитывая особенности экономических отношений в современном мире, выглядит несколько странно, поскольку сложно предположить, что: 1) продуктов действительно не хватает (с учетом масштабов и соотношения объективных биологических потребностей и реального потребления); 2) голодающих будут кормить бесплатно, когда в лабораториях будет создано достаточное количество таких продуктов.

Животные остались заложниками производственных отношений и стали заложниками более сложных экономических отно-

шений. В такой ситуации в условиях возрастающего потребления и высоких ожиданий потребителя от создаваемого наукой в союзе с капиталом продукта, особенно если учесть, что эти ожидания подогреваются стремлением получить максимальную и как можно более быструю прибыль от финансовых вложений в фармакологию, косметологию и прочие области, где масштаб производства и прибыль напрямую зависят от того, кто победит в гонке создания очередного ноу-хау, гонке технологий, экспериментальных исследований и продвижения на рынок новых продуктов, эксплуатация животных и их использование только усиливается и обретает новые формы. Когда же это происходит?

Как это ни парадоксально, но именно после 1945 г. наблюдается изменение отношения к человеку, лишенному отныне «высокого» (в духе гуманизма эпохи Возрождения и начала Нового времени) звания «Человек» после ужасов Второй мировой и признанному слабым и хрупким существом, способным на тотальные ошибки, и одновременно с этим скачок числа экспериментов над животными, легитимация новых форм насилия над живыми существами. Гуманизация в разных формах (доминирование морали «слабого» человека в этическом плане, развитие трансгуманистических исследований в научном плане, дальнейшая борьба за права человека в политико-правовом поле) на деле обернулась новым конфликтом декларируемого должного и реально существующего. В этой борьбе идеал нового отношения к животным отнюдь не действует в качестве практической установки, но существует в особом поле, а все, что мы пытаемся обозначить в качестве иллюстрации к гуманистическим тенденциям реальной практики в плоскости «человек – животные» (деятельность этических комиссий, предписания в работе с животными в медицине и области биотехнологий и пр.), – всего лишь формы регламентации усложнившейся деятельности, предполагающей массовое использование животных в утилитарных целях. В то же самое время имеет место усиление деятельности общественных (волонтерских и благотворительных) организаций, которые борются за права животных, помогают им, занимаются их спасением, а также все большее включение животных в правовые отношения (им оставляют наследство, регламентируют и декларируют их права и т. д.). Казалось бы, это взаимоис-

ключающие тенденции, но между ними есть определенная связь – оставшийся в наследство антропоцентризм и идеи спешиесизма, или специзма (иерархии видов, основанной не на равнозначности всего живого, а главным образом на реализации статуса собственника и «старшего брата», который характерен для европейского сознания наравне с идеей демократического равенства).

Обращаясь к истории вовлечения животных в поле правовых отношений в Новое время, мы можем констатировать факт, что главными причинами и основаниями для создания в XVII в. первых правовых актов, касающихся защиты животных, были отнюдь не идеи всеобщего равенства живых существ и ответственности за жизнь существа, оказавшегося во власти человека, а ответственность за него скорее как за свою и чужую *собственность*, то есть речь шла прежде всего о защите прав собственника и прав человека *для пользы человека*. При этом механицисты вообще не признавали даже права животного на чувствование. Эпоха Просвещения была уже менее категорична: с одной стороны, признавалось, что животные чувствуют, но прав не имеют, поскольку неразумны, а если с ними и нужно хорошо обращаться, то только затем, чтобы не огрубела человеческая душа, так как жестокое обращение с животными причиняет вред самому человеку (Дж. Локк). С другой стороны, если животные чувствуют, то они имеют естественные права (Ж.-Ж. Руссо), в частности, право не подвергаться мучению со стороны другого чувствующего существа, то есть человека. Тем более когда последний, зная о возможных страданиях животного, все равно подвергает его мучениям, то о каком человеческом достоинстве и гуманизме вообще можно вести речь? В силу подобных аргументов появляется идея о том, что у людей, имеющих обязательства только по отношению к себе подобным, жестокость по отношению к животным является нарушением этих обязательств по отношению к самому себе (И. Кант), иначе она убивает в человеке сочувствие и сострадание, которые необходимы либо полезны в отношениях с другими людьми. Забота о животном, таким образом, была не ради животного, а являлась частью заботы о самом себе.

Более того, признание чувственной жизни животного подчас служило показателем перенесения на него свойств человека, а не признания объективности этого факта у животных – то есть

своего рода антропоморфизации животного. До сих пор ряд людей, относящих себя к зоозащитникам, руководствуются именно такими мотивами (это особенно ярко видно, когда животных называют «дочка», «сыночек» и т. д.).

В Новое время в отношении к животным проявляло себя не только собственничество, но и обращение с животным как с существом, стоящим на более низкой ступени развития, поэтому животные длительное время рассматривались как братья наши меньшие (этой формулой еще долго характеризовался весь новоевропейский гуманизм в отношении человека ко всем животным). К слову сказать, такое отношение к животным было свойственно человеку не только в силу господства идеи антропоцентризма, ставшего одной из центральных мировоззренческих установок начиная с Ренессанса и окончательно утвердившего в культуре идею радикального межвидового барьера. Это отношение стало доминирующей идеей еще с древних времен, когда человек почувствовал свою силу, отказался от идеи родства с животными; когда идея о том, что животное может быть по статусу выше человека, окончательно архаизировалась и утратилась.

Прагматическое отношение к животным, основанное на идее собственности и превосходства человека, стало подвергаться пересмотру в конце XVIII – начале XIX в. В XIX в. первой страной, принявшей закон об обращении с животными, становится Англия, где в 1824 г. также создается Общество по предотвращению жестокого обращения с животными, получившее в 1840 г. статус королевского. Однако и там опирались главным образом на идею сохранения животными пользы для человека.

Таким образом, именно идея полезности в разных интерпретациях была ключевой в отношении человека к животным. Поэтому вопрос, насколько гуманными можно назвать отношения человека и животного, построенные на таком же основании, имеет очевидный ответ: гуманным можно назвать такое отношение человека к кому-либо, которое строится на признании равноценности себя и этого существа. Такое признание людям в большинстве случаев вообще не свойственно, да и аргументация в пользу равноценности выглядит традиционно куда более убедительно, нежели идея равноценности. Речь идет здесь об идее РАВЕНСТВА всех живых су-

ществ, не только о равной ценности человека и животного (достаточно для иллюстрации вспомнить пример нацистской Германии, в которой была провозглашена иная иерархия живых существ, когда, с одной стороны, люди потеряли свой уникальный статус, а с другой – некоторые животные были поставлены в этой иерархии выше человеческих видов).

Коренной сдвиг в отношении к животным происходит в XX в., именно после Второй мировой войны. С одной стороны, это было время появления Красной книги и создания международных организаций, таких как Международное общество защиты животных (1959), а спустя пару десятилетий Всемирное общество защиты животных (1981). И в то же время происходит то, что уже не единичные и потрясающие воображение случаи проявления неоправданной агрессии и насилия по отношению к животным становятся катализаторами дискуссий о правах животных, а когда убийство братьев наших меньших приобретает доселе невиданный массовый характер, именно тогда и начинается кризис довольно старой идеи о бережном отношении к животным как собственности. Новые технологии сегодня позволяют убивать различными способами миллиарды животных ежегодно. Это способствует тому, что животное начинает утрачивать, по сути, даже прежний образ конкретного чувствующего существа, жившего когда-то по соседству где-то рядом в сарае (на ферме), и приобретает подчас характер максимальной абстракции – неперсонализированное и непредставимое нечто, послужившее основой для пищи, одежды и прочего (круг «чужих»). Одновременно меняется отношение к домашним питомцам, которые также приобретают новые образы и черты, входя в максимально близкое окружение человека (круг «своих»).

Однако именно в это же самое время усиливается и зоозащитное движение, приобретая практически революционный характер, начиная, к примеру, с радикального «Фронта освобождения животных», созданного в Великобритании в 1960-х гг., идейными вдохновителями которого стала так называемая Оксфордская группа, и заканчивая «People for the Ethical Treatment of Animals» (США). Тогда же появляются книги, в определенном смысле потрясшие общественное сознание («Живые машины» Р. Харрисона, сборник «Животные, люди и мораль» 1971 г., «Освобождение животных»

П. Сингера 1975 г. и ряд других публикаций). Несмотря на тот факт, что вдохновителей переосмысления отношения человека к животным на этом этапе было немало (Р. Годлович, С. Бест, Б. Брофи, Г. Шпир, Р. Райдер и др.), тем не менее именно П. Сингер более других известен как идеолог движения за права животных, основанного прежде всего на идее освобождения от предрассудков в отношении к ним. По его мнению, плохому (насильственному, эксплуататорскому и пр.) отношению человека к животным нет и не может быть никакого оправдания. Однако этой идее суждено было стать не просто идеей, а новым мегамасштабным социальным проектом, объединив усилия людей и организаций и получая новые практические формы реализации. Основываясь на идеях Д. Юма и И. Бентама, П. Сингер развивает мысль, что видовые, как и анатомические, различия не могут служить основанием для установления иерархии различного нравственного отношения. Более того, живые существа равны не только на основании способности чувствовать, но и на основании равноценности главных потребностей, в том числе потребности любви. Тем не менее и идеи русского космизма о равенстве всех живых существ, и тем более идеи Сингера так и остались высокими этическими идеалами, а не практическими принципами.

В настоящее время на пути построения гуманистических отношений человека и животных сложились две линии. Первая исходит из идеи благополучия животных и обеспечения им условий для этого (собственно, именно данная точка зрения разделяется большинством представителей биоэтического сообщества в экспериментальной сфере), а вторая – из признания права животных, в частности, главного из них – права не подвергаться мучению со стороны другого живого существа. Вторая линия предполагает законодательное закрепление этих прав, при котором животное может считаться равноценным субъектом права.

Однако рассуждая подобным образом, мы можем прийти к таким выводам, которые способны завести нас в некоторый тупик, последовательно требуя дальнейшего отказа от многих уже устоявшихся форм практической жизнедеятельности человека. Признание равных прав животного должно привести нас к отказу от всех форм убийства животного, а также к необходимости признания у

последнего статуса правового субъекта (объектом оно стало уже давно). Возможно ли такое и как найти приемлемое решение? Эта большая теоретическая (в плане содержания) и тем более практическая (в плане форм и дальнейшей разработки нормативной системы) проблема, но одно уже ясно со всей очевидностью: отношение человека к животным должно быть нравственным. Насколько это отношение можно назвать новым – сомнительно в свете обращения к идеям ряда античных авторов и религиозных мыслителей Запада и Востока, однако современность несомненно придает этим идеям новый смысл и актуальность. Но это же утверждение становится сомнительным, когда требуется дать ответ на вопрос: а что означает «нравственное отношение к животным»?

Более того, равенство, понимаемое как эмпирическая идея, заводит в еще больший тупик, потому что совершенно непонятно, как в отношении животных оно может быть реализуемо на практике, в том числе и в первую очередь в правовой сфере. Идеи адвокатов для животных, права наследования, которыми животным наделяют некоторые люди по своему волеизъявлению, напоминают подчас диагноз, поставленный героине произведения Августа Стриндберга: одна из распространенных маний современности – преувеличенная любовь к животным в сочетании с сердечной жестокостью к себе подобным. Не будем углубляться в психологические особенности отношений современного человека, выросшего в европейской культуре, с животными, но то, что некоторая дистанция, существовавшая ранее между человеком и его домашним питомцем, сейчас претерпела трансформации в сторону ее устранения, – состоявшийся факт. И дело не только в процессах гуманизации, но и в социальных изменениях семейных отношений, процессах отчуждения и изменения каналов коммуникаций в современном мире. Однако же нынешняя «близость» и все более осознаваемая ответственность заставляют многих людей, имеющих домашних питомцев, принимать активное участие в различного рода волонтерских движениях и помощи бездомным животным и животным, с которыми жестоко обращаются. Происходит расширение границ этой ответственности. С каждым годом такие движения находят все больше сторонников. Факт говорит о том, что отношение к животным, входящим в круг непосредственного окру-

жения, у людей меняется. Во время рассуждения же о причинах подобного явления в качестве одной из причин приходилось слышать не только гуманистический аргумент (в силу нравственного взросления общества), но и избежание вида страдания кого-либо (вне зависимости, чем оно вызвано – отвращением к страданию или состраданием). Однако, как представляется, отвращение к страданию вряд ли способно подвигнуть человека включиться в общественную зоозащитную деятельность, поскольку следует четко представлять себе, что с подобным страданием в такой деятельности придется сталкиваться достаточно часто. В целом социальная ситуация в этой области, нормы права и современной биоэтики демонстрируют общую тенденцию – происходит расширение сферы вовлечения животных в правовые отношения (и здесь уже не важно, по отношению к кому в первую очередь – к «ближним» домашним животным или «дальним» и абстрактным, но страдающим по вине человека неизвестным животным). Задача одна – снизить степень страдания. Здесь находит воплощение иное основание для построения нового отношения человека к животным – не утвердить свое господство, а реабилитировать себя в своих же глазах – глазах человека, растерявшего уважение к самому себе после двух мировых войн (тогда же закончилось и время биоэтического оптимизма) и пытающегося после этого что-то изменить, в том числе и самого себя. Именно это настроение сменяет послевоенную жалость к самому себе. Тогда же начинается и новая страница в биоэтической проблематике отношения к животным.

Склонность и особенность человеческого мышления видеть мир в бинарных оппозициях неоднократно приводили к тому, что формула «мы не животные» осмысливалась то с одним, то с другим перекосом. Если раньше однозначная интерпретация указывала на иной статус человека и более низкое положение животного в уже упомянутой иерархии, то в последнее время все чаще слышны мнения, что не надо «обижать» животных, ставя их не то чтобы ниже человека, а даже на одну ступень с ним, поскольку они гораздо лучше человека: ведь ни одно животное, если оно здорово, не проявляет в такой одиозной степени неоправданную агрессию, как человек, и способно на то, чему людям стоит поучиться, – заботливое отношение к своему потомству, преданность и пр. В данном

случае мы не будем повторяться насчет тенденций антропоморфного сравнения, а лишь констатируем факт: животные уже прочно вошли в поле нашего морального сознания. Особенно это видно на примере нашего отношения к домашним питомцам (о чем уже упоминалось выше), уже давно ставшим для многих членами семьи. Именно они почему-то прежде всего представляются объектами для всяких разговоров о правах животных, те, кого мы видим постоянно, кто уже давно вошел в круг нашего общения и в новое коммуникативное пространство современного мира, понимаемого, как и в древние времена, не только как человеческий мир. Однако в том самом мире иерархия существ была укоренена на метафизическом уровне и на уровне бинарных мировоззренческих оппозиций, в современном же мире наблюдается тенденция к их размыванию, но в практике и человеческой деятельности мы еще весьма далеки от заявляемых гуманистических идеалов (от классических уже далеко, а до постклассических еще далеко).

Признание человеческих слабостей и провал миссии сверхчеловека делает в XX в. сочувствие к человеческим слабостям и толерантность ведущим ориентиром современного гуманизма (постгуманизма, который пришел на смену классическому ренессансному гуманизму), меняет место самого человека и его отношения с миром, с одной стороны, ставя человека в ряд других живых существ, с другой – изменяя статус всего живого. Это отражается в трансформациях как этического плана, так и правового характера. Все вместе они дают новые горизонты социокультурного опыта. Гуманистический дискурс сегодня реализуется в разных аспектах этого опыта: технологии на службе улучшения человека и продления качества и количества его жизни, трансгуманистические идеалы и геновая инженерия, биоцентристская парадигма и идея космической ответственности, преодоление глобальных проблем и расширение парадигмы прав человека вглубь и вширь, включение в правовое поле новых субъектов и расширение локальных правовых полей и т. д. Однако в ходе осмысления этого опыта, в результате сделанных выводов и констатации новых этических принципов отношения человека с миром мы чаще имеем дело с идеально конструируемой реальностью, нежели с реальной и сложной практикой. Противоречивые тенденции зачастую игнорируются в доказа-

тельство идеалам, которые кажутся нам правильными в рамках заранее заданной парадигмы. Подобные тенденции можно наблюдать и на примере попыток изменения отношений человека к животным в разных областях человеческой деятельности и практики. Сколь бы ни декларировалась сегодня биоцентристская парадигма, тем не менее человек продолжает действовать и жить в рамках антропоцентристского мировоззрения, основанного в том числе и на характерной мировоззренческой оппозиции «свой – чужой», что более свойственно для мифологического мировоззрения, нежели для заявляемой сегодня в качестве ведущей биоцентристской парадигмы, делая ее абстрактной декларацией, а не действенным механизмом гуманизации определенной области отношений человека и мира, в то время как число жертв во имя светлого будущего человечества растет день ото дня.